
ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

**ЭКОНОМИКА И ПРАВО:
КОНТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

© 2019 г. С.А. Синицын

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Россия*

E-mail: synss@mail.ru

Поступила в редакцию 26.07.2018 г.

Поступила после доработки 26.07.2018 г.

Принята к публикации 01.10.2018 г.

В современных юридических исследованиях идея взаимообусловленности права и экономики преимущественно выражена в констатации ведущей роли экономического анализа права как панацеи от всех возможных дефектов правового регулирования. Но вызовы времени диктуют настоятельную необходимость исследовать и критически оценить значение, полноту и эффективность экономического анализа права и его влияние на правовую систему, а также изучить риски, связанные с абсолютизацией значения этого подхода. В статье показано, что экономический анализ права основан не на методах и алгоритмах юридической и экономической наук, а представляет собой идеологическое средство воздействия на правосознание и состояние правового регулирования в интересах лоббирования конкретных законодательных инициатив. Автор анализирует цели и эффект применения данной методологии к регулированию частных и публичных правоотношений, показывая их различие. На основе изучения нормативных и доктринальных российских и зарубежных источников делает вывод об ограниченности диапазона и назначения экономического анализа права как методологического инструментария и предлагает возможные альтернативные подходы к определению взаимосвязи права и экономики, выработанные с учётом современного развития экономической и юридической наук.

Ключевые слова: экономический анализ права, правовое регулирование, методы юридических и экономических наук.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892139-146>

Поиск точек пересечения и выявление основ конструктивного взаимодействия институтов права и экономики — актуальная задача юридических и экономических исследований. На этот счёт сложилось несколько взаимодополняющих и обогащающих картину мира представлений. В целом верно отмечено, что участники общественного

производства выступают не только как носители производственных отношений, но и как субъекты права [1, с. 6]. При этом следует отметить, что между правом и экономикой существует неразрывная связь: во многом правовые институты — продукт экономического быта, а нормы права устанавливают для участников экономической деятельности правила и требования, что в конечном счёте определяет устройство и течение экономической жизни, сегменты и масштаб развития теневой экономики [2, с. 210]. Однако из приведённых тезисов следует только разность целей и задач права и экономики, но никак не их искомая взаимосвязь.

Обособленное развитие экономической и юридической наук оказалось малоэффективным для социальных структур, в связи с чем нет оснований соглашаться с утверждением зарубежных авторов, что проблемы правового регулирования должны разрешаться только средствами юриди-

СИНИЦЫН Сергей Андреевич — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса ИСиСПа при Правительстве РФ.

ческого анализа и прогнозирования, масштаб которых достаточен для определения последствий правового регулирования [3, S. 739]. Само по себе правовое государство не является гарантией благосостояния народа, и даже лучшее из возможных частное право никогда не решит ни один социальный вопрос [4, S. 435, 436, 441]. Кроме того, при оценке роли экономического мировоззрения как доминирующего при анализе права необходимо учитывать, что экономическая наука бессильна в прогнозировании финансовых коллапсов и кризисов на товарных, валютных и финансовых рынках. Она не может объяснить колебания курсов национальных валют и способна только описывать текущее состояние, но не прогнозировать развитие и конкурентоспособность национальных экономик. Верно и то, что аналитическая статистика экономических показателей и расчётов является важной математической функцией, с помощью которой можно объяснить закономерности общественного развития. Она выполняет только вспомогательную роль в анализе текущего состояния и прогнозе развития. Учёными-юристами давно обращалось внимание на то, что субсидиарное применение методов математики и кибернетики в изучении, моделировании и прогнозировании развития правового регулирования способствовало комплексному исследованию сферы социальной регуляции и управления [5, с. 3], а использование статистических методов анализа правовых отношений оказалось полезно для определения приоритетных направлений развития законодательства [6, с. 5–15], при том что преемственность методов дискретной математики в гуманитарных науках способствовала расширению представлений о математическом анализе [7, с. 6–9]. Однако речь идёт не о произвольной замене методов различных наук и их поглощении математическим алгоритмом и анализом, иначе следовало бы принять за истину суждение, что всё многообразие мира возможно представить в объектах математики. Целесообразность и эффективность использования междисциплинарного подхода требует обоснования в каждом конкретном случае, поскольку любая гиперуниверсальность в суждении оборачивается бедностью и искажением конкретики, размыванием предмета научного знания. Неслучайно академик Д.С. Лихачев скептически оценивал перспективы распространения междисциплинарных подходов в гуманитарных науках.

Видные представители экономической науки К. Маркс и Ф. Энгельс заключили, что "право не может быть понято из самого себя". Последующие поколения юристов и экономистов были заняты расшифровкой смысла и значения данного утверждения в приложении к вопросам социальной, политической и экономической основы пра-

ва. Очевидно, что обозначенному тезису можно дать как расширительное, так и ограничительное толкование. В фундаментальных курсах частного права, отражающего установленные правопорядком основы взаимодействия субъектов права в товарных отношениях, в отличие от публичного, где данный аспект практически не исследовался, указывалось, что «так как право "не может быть понято из самого себя", сущность права следует искать в явлениях неправовых, прежде всего в определённых экономических отношениях; при этом для юриста особую ценность представляет "обратный путь" — путь от экономических категорий к категориям юридическим... Само по себе правовое регулирование не в состоянии создать новые виды (группы) правоотношений» [8, с. 16, 17, 52]. Такой подход вызывает вопросы, поскольку обратное движение от экономических категорий к юридическим связано не столько со сложностью уяснить, какова суть глобальных объективных экономических законов и как они действуют, сколько с трудностями неискажённого переложения картины многообразных экономических отношений, складывающихся в различных сегментах экономической системы, на язык правовых понятий. Наконец, именно право, сохраняя баланс частных и публичных интересов, создаёт новые принципы и основы регулирования развивающихся социально-экономических отношений, облекая их в форму правоотношений. В итоге исследование пошло по пути раздельного анализа юридических и экономических отношений при сохранении значимости правоотношения как центральной и самостоятельной категории права, что в действительности осложнило междисциплинарные исследования. При этом нельзя не учитывать, что надстроечные категории в отличие от базиса по большей части сохраняют следы политизации при интерпретации правового регулирования конкретной эпохи, которое строится на основе соблюдения баланса частных и публичных интересов. К методологическим ошибкам следует отнести универсализацию приведённого тезиса в отрыве от контекста, данного К. Марксом: он показал необходимость рассмотрения права в социально-экономическом развитии общества, а это не должно рассматриваться как альтернатива праву, тем более здесь изначально предполагалось обратное влияние надстройки на базис.

В любом случае научный подход предполагает обобщение результатов исследования права и экономики с различных сторон в отдельности и во взаимодействии с другими явлениями, что само по себе исключает абсолютизацию отрицания или восхваления роли экономики в развитии права. Научный прогресс возможен только в случае, если наука перестанет уподобляться,

по Марксу, тому самому языческому идолу, желающему пить нектар только из черепов убиенных неверных. Задачи экономической и юридической наук часто бывают различны, но это не исключает использование экономических алгоритмов в оценке правового воздействия, динамике и прогнозировании правового регулирования, а скорее, предполагает выявление и исследование права как регулятора социальных отношений во взаимодействии и взаимосвязи с иными социально-экономическими институтами. Отсюда, в частности, следует необходимость поиска самостоятельной методологии исследования правовых явлений в сочетании с методами, разработанными в экономических науках. Примечательно, что при изучении экономических процессов экономическая наука непосредственно не использует критерии эффективности и рациональности поведения хозяйствующего субъекта, что свойственно именно подходам экономического анализа права как формы сложившегося мировоззрения юристов. Будучи наиболее приближённой к математике и кибернетике, она опирается на близкие этим наукам инструментарию: статистические (использование средних и относительных величин, индексный метод, корреляционный и регрессионный анализ) и математические (матричный метод, теория производных функций, межотраслевого баланса, методы исследования операций и принятия решения, теория игр и вероятности). Значение математических методов в экономике является определяющим, поскольку математическое моделирование сегодня становится языком современной экономической теории, одинаково понятной учёным всех стран [9–11]. Его использование позволяет оптимизировать алгоритмы государственного управления в фазах планирования, прогнозирования и контроля, на математическом моделировании основаны прогнозы и стратегии социально-экономического развития государства и регионов. Экономический анализ как таковой изначально основан на точных научных методах наблюдения, анализа, оценки, моделирования, прогнозирования и востребован преимущественно прикладными задачами, не предполагая возможности применения обобщённых выводов, пригодных в законотворческом процессе. Тем самым основы экономического анализа кардинально отличаются от подходов, применяемых в экономическом анализе права.

Специалисты неоднократно указывали на узость только юридического мировоззрения: "Право формирует нормативный эквивалент экономических отношений и является универсальным инструментом управления... В настоящее время поиск решения осуществляется на основе экономического анализа общественных отноше-

ний... Следует признать, что экономико-правовой анализ пока ещё не имеет разработанной методологической базы, а отраслевая дифференциация знаний не позволяет достичь эффективности управления общественными процессами. Основания применения диспозитивного метода и метода прямого административного предписания могут определяться на базе экономического анализа и экономико-правового исследования конкретной ситуации" [12, с. 5, 6]. Здесь обоснованно предлагается использовать в правовом анализе метод экономико-математического моделирования, с помощью которого можно формировать комплексную модель состояния и прогнозирования развития экономико-правовых процессов (разработка законов о бюджете и повышении минимального уровня заработной платы, оценка правоприменительной практики).

При этом нельзя забывать, что экономическая наука должна пополнять свой инструментарий методом нормативного анализа для изучения права как целостной органической системы. Формирование единых методологических подходов в экономико-правовых исследованиях не может осуществляться лишь умозрительным путём, а сам процесс выработки методов и их композиции — идти в ускоренном темпе. Верно, что методология "права и экономики" должна полагаться на поиск единых когнитивных подходов, но не на рассмотрение законов экономики как альтернативы законодательству, что предполагает только проникновение экономических концепций и идей в сознание правоприменителя на познавательном-мировоззренческом уровне и особенно востребовано при разрешении сложных дел и конфликтов [13, с. 10–12, 172, 173]. Вместе с тем очевидно, что внедрение такого дифференцированного подхода потребует законодательного закрепления. Важно обратить внимание и на выводы, с которыми, на мой взгляд, невозможно согласиться на том основании, что они игнорируют значение и функции правового регулирования. Задачи правопорядка состоят в регламентации (установлении форм реализации и защиты экономической инициативы) для новых и меняющихся отношений, а отнюдь не в усилении существующих и закреплении очередных ограничений свобод в экономической сфере [14, с. 146].

Смешение специальных методов правовой и экономической науки при определении строго правовых категорий приводит к негативным последствиям, выраженным в размытости получаемого результата, который при этом позиционируется как научный вывод и предложение по актуальным вопросам развития человечества и общественно-экономического развития. Науке "ещё только предстоит создать теорию частных

отношений и сформулировать критерии их разграничения с общественными отношениями", где в качестве определяющего предложено руководствоваться тем, что в частное отношение нельзя вступить без согласия его членов, а общественным (публичным) является такое отношение, "в которое не может быть ограничен доступ никому из граждан данного государства" [15, с. 39].

Весьма сомнительна универсализация подхода к познанию права через экономику: изначально не выполняются условия о корректности сравнения, поскольку экономическая наука призвана изучать экономические процессы, объективно протекающие в ходе общественного развития, а юридическая наука концентрируется на исследовании функций права и содержании правовых институтов, воздействующих на общественную жизнь. Тем более очевидно, что взаимодействие права и экономики может изучаться не только в концептах экономического анализа права, который как направление имеет строго заданные рамки и назначение. Ясно, что превалирование в законотворческом процессе исходных постулатов и задач роста экономической эффективности права сделает принципиально невозможным становление гражданского общества, правового и социального государства, как и проведение социальной и природоохранительной политики государства, притом что перманентное стремление к максимизации и концентрации прибыли является определяющим в разжигании социальных конфликтов и войн за передел собственности.

Напомним, что широкое распространение экономического анализа права в российской и зарубежной доктрине началось с последней четверти XX в. Это диктует необходимость осмысления содержательных основ методологии и принципов её воздействия на регулируемые правом отношения. К сущностным чертам экономического анализа права в современном восприятии относится система оценки права и его институтов через категории эффективности, рациональности и целесообразности [16, р. 10–34, 70–73]. При этом в современной науке экономический анализ права имеет два разных значения: с одной стороны, он определяется как метод исследования и оценки правовой действительности, с другой — как средство нормативного преобразования. В целом экономический анализ права направлен на модификацию юридического мировоззрения, отступление от буквы закона и чаще всего позиционируется его сторонниками как "ключ к лучшему праву" во всех правовых системах.

Но давайте прежде определимся с местом экономического анализа права — как его интерпретируют современные экономическая и юридическая науки. Для этого важно понять, может ли эконо-

мический анализ права рассматриваться как теория познания, или же это только идеология (я намеренно разделил данные понятия как различные уровни общественного сознания). Идеология видится не как логически обособленная и систематизированная совокупность идей, а как иллюзорный способ мышления отдельных социальных групп, который в отличие от науки не опирается на логику, доказательства и методологию исследования, транслируя субъективное восприятие действительности в заданном фокусе внимания. Наконец, как доказано академиком В.С. Стёпиным, науке как специфической форме познания свойственна оценка закономерностей взаимосвязи и преобразования объектов при их превращении в продукт [17, с. 30–115], что никак не характерно для идеологии как оценочно-восприимчивой формы общественного сознания. В связи с этим нет оснований относить экономический анализ права к теории познания. Его ассоциация с научной методологией грозит обернуться утверждением очередного насаждения вариации "мичуринской биологии" уже в юриспруденции.

Следует отметить, что среди сторонников данного направления нет единства в понимании и изложении его ключевых и основополагающих категорий, а это — одна из черт, отличающих науку от идеологии. Кроме того, требует определения и дисциплинарная принадлежность экономического анализа права. Здесь возможны несколько подходов: отнести экономический анализ права к методам правового регулирования и юридических исследований, приписать его к методам экономической науки или же воспринимать как идеологическое средство, используемое для изменения действующего законодательства. Причислению экономического анализа к средствам методологии юридической и экономической наук препятствует его ярко выраженная направленность на утилитарную модификацию правосознания и правового регулирования, которая не опирается на традиционно используемые экономикой методы математики, кибернетики и методологию юридической науки. С учётом изложенных обстоятельств экономический анализ права можно отнести к одному из междисциплинарных подходов, применяемых для оценки качества правового регулирования с целью его приближения к заданному экономическому стандарту, к которому стремятся, удовлетворяя интересы лоббистов, участники законотворческого процесса, что не связано непосредственно с алгоритмами, задачами и методологией юридической и экономической наук.

Явным перегибом идеологии экономического анализа права следует считать воззрения, относящие правовые институты к "экономическому утилю" или к техническим инструментам,

эффективность и полезность которых должна определяться экономическими потребностями: последние, отражая интересы конкретных социальных групп и классов, априори не могут быть универсальны. Из негативных последствий главное состоит в том, что право утрачивает смысл регуляции общественных отношений, оказываясь вырванным из социального контекста, при этом нивелируется значимость правоотношения как центральной категории права. А потому нет оснований считать экономический анализ права альтернативой апробированной столетиями методологии правового регулирования или определяющим вектором законотворческого процесса, хотя наработки экономического анализа права могут субсидиарно использоваться для оценки регулирующего воздействия законодательства. Функции права как важнейшего регулятора общественных отношений исключают возведение рациональности поведения хозяйствующих субъектов в ранг правовых принципов. Едва ли методы и средства экономического анализа права потенциально способны гарантировать и реализовать мечту всех без исключений наций, государств и гражданских обществ о безбедном существовании и экономическом взлёте. Наконец, приверженность идеологии экономического анализа затрудняет дифференциацию норм права на императивные и диспозитивные как на стадии законотворческого процесса, так и на этапе правоприменения.

При обсуждении вопросов эффективности правовой системы экономисты считают определяющей парето-оптимальность¹ распределения ресурсов, в связи с чем результаты обмена между людьми могут считаться продуктивными, когда "увеличение чистого выигрыша одного лица невозможно без снижения выигрыша другого" [18, с. 59]. С точки зрения права, данная постановка вопроса обескураживает (в противном случае можно, к примеру, утверждать, что право эффективно, лишь когда создаются условия и инструмент присвоения прибавочной стоимости независимо от оценки законности такового). Нельзя согласиться и с тем, что экономический анализ права формирует критерии сдерживания свободы субъектов права (установление размера санкций, исходя из принципа неотвратимости ответственности и выгод в случае ненаказания правонарушителя), поскольку при таком понимании не представляется возможным применить данный метод для регулирования правоотноше-

ний в ненарушенной стадии. При этом следует иметь в виду, что неотвратимость применения санкций за совершённое правонарушение обеспечивает не экономическую мотивацию, а общеправовую превенцию как меру обеспечения правомерного поведения всех членов общества.

Критике экономического анализа права значительное внимание уделено и в современной зарубежной доктрине. В частности, отмечаются недостатки экономического анализа права, поскольку просчитать рыночную ситуацию без погрешностей невозможно, в связи с чем поведение любого участника оборота должно рассматриваться по критериям иррациональности, а не рациональности — субъекту всегда будет доступен лишь ограниченный объём информации, который ко всему прочему при недобросовестной конкуренции и поведении участников оборота искажается. Это тем более надо иметь в виду, поскольку не существует абсолютного определения понятий "эффективность" и "макроэкономическая выгода", из чего следует, что экономический анализ права не может обойтись без собственных оценочных суждений [19, S. 29, 30]. Взамен экономического анализа права в сравнительном правоведении предлагается концепция институциональной экономики, разработчики которой приходят к выводу, что критика экономического анализа не препятствует приёмам сравнительной институциональной экономики (*corporativen institutionenökonomik*) как межотраслевого средства, использующего критерии транзакционных издержек в качестве оценки экономической обусловленности норм права. В поддержку такого подхода указывается, что в отличие от экономического анализа права институциональная экономика не требует абсолютного определения экономической эффективности правового института, прибегая к сравнительной оценке преимуществ одного института над другим. Новизна сравнительной институциональной экономики усматривается исключительно в последовательном применении экономического и социологических методов в праве, где уровень законодательного регулирования изучают с учётом его влияния на поведение социальных групп, а национальная экономическая модель используется как альтернатива в определении приоритетных направлений развития законодательного регулирования.

В обоснование приемлемости такой методологии её сторонники приводят выдержки из работ Р. Иеринга, видевшего цели права именно в улучшении бытовых условий жизни населения, и делают заключение, что именно на "экономических подходах основывается возникновение европейского права" [19, S. 19]. Кроме того, трудно согласиться с утверждением, что сравнительная

¹ Парето-оптимальность — критерий оптимальности, названный в честь итальянского экономиста Вильфредо Парето (1848—1923), который используется для того, чтобы проверить, повышает ли предложенное изменение в экономике общий уровень благосостояния.

институциональная экономика существенно и принципиально отличается, но не продолжает идеи экономического анализа права, поскольку, по замыслу идеологов, её применение способно снизить "транзакционные издержки различных институтов права" и "может дать основания для того, чтобы конкретные правовые институты действовали дешевле других" [19, S. 21]. Следовательно, по целям и назначению использование инструментария институциональной экономики только модернизирует экономические подходы к праву, дополняя их социологической оценкой и прогнозами, но при этом не предлагается кардинально новых решений и методов в исследовании правовых явлений.

Недостатки и ограниченность применения идеологии экономического анализа в конкретных сферах правового регулирования можно показать на следующих примерах. В вещном праве (субъективное гражданское право, объектом которого является вещь) применение идеологии экономического анализа нарушает принципы взаимосвязи права собственности и ограниченных вещных прав, допуская фактически неограниченную возможность модернизации последних соглашением сторон, что противоречит принципу публичности. При анализе договорных правоотношений на предмет использования для их регуляции методов экономического анализа права необходимо учитывать, что сами по себе критерии рациональности и эффективности существенно разнятся в любых отношениях с участием нескольких взаимозаинтересованных в экономическом эффекте лиц (акт товарообмена по-разному оценивается потребителем и крупным сетевым продавцом), в то время как принятая стороной договора обязанность несения дополнительных издержек относится именно к юридическим гарантиям. Слабость абсолютизации такого подхода состоит в восприятии права только как привилегии, свободной от обременений (издержек) при отсутствии постановки и обсуждения вопроса о достаточности для понимания договорного права экономических критериев. По этим причинам новейшие подходы избегают объяснений и форм толкования договорного права по социальным и экономическим критериям, отдавая пальму первенства договорным условиям и интересам сторон [20, S. 36–38].

В современном российском наследственном праве объяснение введения в законодательство новых правовых конструкций (наследственные договоры, совместные завещания, наследственные фонды) опирается на умозрительные представления о росте экономической эффективности и привлекательности российского законодательства в глазах иностранных инвесторов,

но никак не на реальные потребности оборота и нужды участников наследственных правоотношений — основного населения страны, что создаёт риск разового действия соответствующих норм права в будущем. Не свободен от влияния идей экономической целесообразности и общий раздел Гражданского кодекса РФ об объектах гражданских прав, который законопроектом № 419059-7 "О цифровых финансовых активах" предложено дополнить особой разновидностью имущества — криптовалютой и цифровыми активами, при этом установленный перечень объектов гражданских прав и без того открыт и содержит специальное указание на иное имущество.

Широко обсуждаемые и сделанные в ходе текущей судебной реформы предложения о повышении размера государственных пошлин за обращения в суд или об упрощении подготовки судебных актов без обязательной мотивированной части основаны именно на концептах экономического анализа права без связи с принципами законности и доступности правосудия. Их принятие едва ли будет способствовать повышению правовой защищённости населения и укреплению авторитета судебной власти, как и снижению напряженности и конфликтов в обществе. Правовые гарантии беспрепятственного доступа и эффективности правосудия предполагают обязанность рассмотрения компетентным судом любого поступившего обращения заинтересованного в судебной защите лица по существу, что само по себе исключает обоснованность нормативного ограничения способов защиты и потенциальных составов правонарушений в законе.

Несколько иное значение принципы экономического анализа права (рациональность поведения, снижение издержек) приобретают в публичных правоотношениях. В публичном праве учёт экономических последствий от избранной законодателем модели регулирования деятельности государственного аппарата имеет существенное значение, а критерии эффективности и рациональности, поставленные во главу угла идеологией экономического анализа права, приобретают по сравнению с частным правом однозначный смысл, что объясняется общей целью минимизации затрат на государственное администрирование. В частности, современная теория административного права исследует функции государственного управления и работу органов исполнительной власти с помощью методов и инструментов экономической науки, а также наработок экономического анализа, что позволяет оценить обоснованность затрат на обеспечение деятельности государственного аппарата [21, S. 24]. Именно с учётом этого важного обстоятельства следует оценивать предло-

жения Правительства РФ об упрощении требований к уставам российских юридических лиц, исключая дублирование императивных норм законодательства с возможностью отражения в корпоративных актах только специфики корпоративного управления конкретного лица, если это допускается диспозитивными нормами закона. Их принятие не только упростит организацию и деятельность юридических лиц в условиях цифровой экономики, но и существенно сократит затраты на архивирование и юридическую экспертизу документов, представляемых при создании юридических лиц и внесении в учредительные документы изменений.

Предложенный подход, отрицающий верховенство идеологии экономического анализа в праве, требует формулировки понятия "правоотношение", которое не предполагает экономического интереса в качестве элемента собственной структуры. Традиционно под правоотношением следует понимать связь субъективного права и юридической обязанности в отношениях субъектов по поводу объекта права. Однако многообразие правовых явлений требует уточнения этого определения. В действительности структура и объем правоотношения включают не только субъективные права и корреспондирующие им обязанности, но и являются юридической формой существования любых санкционированных правом дозволений, обязанностей, запретов и ограничений во взаимодействии субъектов права, а это нетождественно конкретным формам проявления правоотношения — субъективному праву и юридической обязанности. В аспекте выявления связи экономики и права следует уточнить, что экономические мотивы и цели деятельности субъектов права формируют интерес и являются только побудительным мотивом деятельности субъектов права, но не критерием оценки законности и допустимости их действий. Из этого следует, что цели права могут не совпадать с целями его субъектов.

Важно отметить и другое: взаимосвязь права и экономики не исчерпывается только сферой частного права, опосредующего отношения участников рынка. В частном праве свобода и инициатива субъекта права, реализуемая в субъективном праве, ограничивается именно правоотношением, в рамках которого субъективному праву частного лица корреспондируют установленные нормами права ограничения, запреты и общеобязательные требования соблюдения процедур, которые реализуются в том числе и в целях публичного регулирования общественных отношений. А это само по себе ставит под сомнение возможность рассмотрения частного и публичного права как автономных и независимых частей юрисдикции государства, одновременно показывая недопустимость

рассмотрения субъективного права вне правоотношения. С этих позиций правоотношение может рассматриваться как форма и средство признания законом конкретных экономических интересов.

Острое проявление дисбаланса инструментов права и экономики обнаруживается и в современных международных отношениях. По существу, активно развивающаяся практика применения экономических санкций в отношении отдельных государств и предпринимателей, подпадающих под их юрисдикцию, преследует не цели защиты прав человека и противодействия росту терроризма как глобальной угрозы человечеству, а выражает интересы экономически господствующих государств с агрессивной внешней политикой, посягая на передел собственности, манипуляцию рынками и суверенитет независимых государств, что полностью противоречит уставу ООН. Не вызывает сомнений, что действие экономических санкций для их интересов всегда мотивировано и действительно, но с точки зрения правового регулирования поощрение такого порядка является контрпродуктивным, в связи с чем требуется не только разработка национальных режимов противодействия им, но и введение международной ответственности для государств, их разжигающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкредов В. П. Экономика и право. М.: Экономика, 1990.
2. Билимович А. Д. Введение в экономическую науку. Два подхода к научной картине экономического мира // А. Д. Билимович. Избранные труды. СПб., Росток, 2007.
3. Hellgardt A. Regulierung und Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016.
4. Öertmann P. Der Dinglichkeitsbegriff // JdP. 1892. Bd. 19.
5. Кантаржиев А. А. Применение методов кибернетики в исследовании механизма правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юр. наук. София, 1975.
6. Павлодский Е. А. Проблемы теории и методологии гражданско-правовой статистики и её значение для совершенствования законодательства: дис. ... д-ра юр. наук. М., 1990. С. 5–15.
7. Кемени Д., Снелл Д., Томпсон Д. Введение в конечную математику. М.: Мир, 1965.
8. Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права // С. С. Алексеев. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010.
9. Абчук В. А. Экономико-математические методы: Элементарная математика и логика. Методы исследования операций. СПб.: Союз, 1999.
10. Аллен Р. Дж. Математическая экономика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.

11. Баумоль У. Экономическая теория и исследование операций. М.: Прогресс, 1965.
12. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5–26.
13. Гаджиев Г.А. Право и экономика (методология). М.: Норма; Инфра-М, 2018.
14. Доронина Н.Г., Казанцев Н.М., Семилютин Н.Г. Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное. М.: Норма; Инфра-М, 2017.
15. Казанцев Н.М. Правовые смыслы экономической деятельности // Право и экономическая деятельность: современные вызовы / Под ред. А.В. Габова. М.: Статут, 2015.
16. Cooter R., Ulen T. Law and Economics. Boston: Addison-Wesley, 2012.
17. Стёнин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М.: Прогресс-Традиция, 2000.
18. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Почему экономический анализ права имеет значение? // Закон. 2018. № 3. С. 57–66.
19. Krimphove D. Das europäische Sachenrecht. Eine rechtsvergleichende Analyse nach der Komparativen Institutionenökonomik. Lohmar-Köln: Eul verlag, 2006.
20. Oechsler J. Vertragliche Schuld-verhältnisse. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017.
21. Stober R., Kiuth W., Korte S., Eisenmenger S. Verwaltungsrecht I. München: C.H. BECK, 2017.

ECONOMICS AND LAW: INTERRELATION IN MODERN WORLD

© 2019 S.A. Sinitsyn

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

E-mail: synss@mail.ru

Received: 26.07.2018

Revised version received: 26.07.2018

Accepted: 01.10.2018

The concept of the interdependence of law and economics is primarily expressed in modern legal studies by arguments for the leading role of economic analysis of law as a panacea for all possible defects in legal regulation. However, contemporary challenges dictate the urgent need to explore and critically evaluate the significance, completeness, and effectiveness of economic analyses of law and their impact on the legal system, as well as study the risks associated with the absolutization of this approach. This article demonstrates that the economic analysis of law is not based on the methods and algorithms of the legal and economic sciences, but rather represents an ideological tool of influence on legal consciousness and regulation that serves lobbying interests for specific legislative initiatives. The author analyzes the goals of the application of this methodology and its effects on the regulation of private and public relations and illuminates their differences. Based on an examination of regulatory and doctrinal Russian and foreign sources, the author demonstrates the limited range and purpose of economic analyses of the law as a methodological tool and suggests possible alternative approaches for revealing the relationship between law and economics, which are determined in consideration of modern developments in the economic and legal sciences.

Keywords: economic analysis of law, legal regulation, legal and economic science methods.